

A person wearing a black dress with a white Peter Pan collar and two long black braids is holding a large, ripe orange pumpkin with both hands. The person's fingernails are painted black. The background is dark and out of focus.

Осторожно,
Осень!

Ксения Беленкова

Только для девчонок

Ксения Беленкова
Осторожно, осень!

«Автор»

2012

Беленкова К. А.

Осторожно, осень! / К. А. Беленкова — «Автор»,
2012 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-58318-8

Ранее выходила под названием «Все сюрпризы осени» Алиса Лисицына не хотела становиться хулиганкой. Но внезапно именно это с ней и случилось! Во всем виновата сумасшедшая осень – переезд в другой район, новая школа, короткая стрижка... Не успела Алиса оглянуться, как из примерной пай-девочки превратилась в настоящую грозу класса. Еще бы! В первый же день она поссорилась с местной красавицей, подружилась с чудовищем и влюбилась в парня этой самой красавицы... Что же теперь делать? Сказать, что пошутила, и снова стать серой мышкой? Ну уж нет! Ведь никогда прежде ей не было так весело!

ISBN 978-5-699-58318-8

© Беленкова К. А., 2012

© Автор, 2012

Ксения Беленкова

Все сюрпризы осени

– Ну, ладно, – покровительственно улыбнулась Катя. – Сейчас я вас немножко развеселю. Сейчас я вам мою любимую сбацаю...

Карен Шахназаров

«Курьер»

Жил на свете козел,
Не удав, не осел,
Настоящий козел,
С седой бородой!
Ме-е!

Слова песенки из старого фильма так и прыгали в моей голове. Я поддевала носами потрепанных кед золотые монеты березовых листьев – в этом году осень накатила ранняя, рыжая, как лисий хвост. Москву окунули в охру: взъерошенный город щетинился и стряхивал с себя брызги листьев. Вот и мне жутко хотелось выкинуть что-нибудь эдакое! Все вокруг менялось, только я оставалась прежней: послушная девочка, отличница, помощница мамы, гордость отца. Но такое чувство, что сама где-то потерялась. И все это лишь маски, которые навесили на меня близкие.

Несколько дней назад мы всей семьей переехали в новый район. С тех пор мне все время кажется, что я забытая на старой квартире сумка. Не могу найти себя – и все тут!

Помню, как съезжали из дома. Папа и мама носились вокруг грузчиков озабоченные и нервные. Грузчики ползли по лестнице, как улитки – томно и медленно, выпучив глаза. Брат пытался руководить процессом, пока папа не отвесил ему подзатыльник:

– Давай, Денис, сам крутись!

И Дэн тоже закрутился: стал прыгать через улиток-грузчиков с тюками. А мы с мамой контролировали сохранность хрупких и ценных предметов.

– Осторожнее с картинами! – кричала мама.

– Книги не рассыпьте! – вторила я.

В это время где-то раздавался звон побитых бокалов.

Потом, помню, мы долго колесили по городу, застревая на светофорах и вдыхая выхлопные газы. Когда я вылезла из машины возле нашего нового дома, земля качалась подо мной, и казалось, что целый век я не смогу всунуть в рот ни крошки. Уже ночью, сидя на чемоданах, мы жадно лопали заказанную пиццу и смотрели в окно. Ночь на северо-западе Москвы казалась мне неотличимой от ночи на востоке. Все детство я провела рядом с Измайловским парком, теперь же возле дома раскинулся Серебряный бор.

Меня никто не спрашивал, хочу ли переезжать, менять школу, расставаться с одноклассниками. Но и это не самое страшное. Страшнее было то, что я сама вовсе не могла понять, рада ли этому переезду. Выходит, я дожила почти до пятнадцати лет (осталось-то всего ничего – меньше полугода) и до сих пор не знаю: кто же такая Алиса Лисицына.

– Алька, ты просто золото! – говорила обычно мама, понимая, что я иду на золотую медаль.

– Алька, ты чудо-хозяйка! – говорил папа после того, как я убиралась в квартире.

– Алька, ну ты даешь! – говорил Денис, проигрывая мне в теннис.

Я же теперь ничуть не была уверена в том, что мне нужна эта золотая медаль, что хочу стать домохозяйкой, да и зачем мне спорт? Вот и зависла где-то между прошлой понятной жизнью и новой – где все было другое, и я старая в нее никак не вписывалась...

Желтые листья летели из-под ног, я бродила по незнакомым улицам, пытаюсь разглядеть саму себя. Вот топает мое отражение в витрине – кеды, джинсы, майка, тугой хвост на затылке. Я остановилась и подошла ближе к стеклу: девчонка как девчонка, каких миллионы. Я приставила большой палец к носу и покрутила пятерней. Отражение показало мне язык.

– Чего обезьянничает? – грозно пробурчала сушеная старушка с сумкой на колесиках. – Приличная девушка – и такими вещами занимается!

Старушка, которая могла бы поместиться в своей сумке, недовольно потрясая головой, прошла мимо. А я так и стояла с высунутым языком, провожая ее взглядом. Как она сказала? «Приличная девушка»? Пожалуй, и правда, только бантика на хвосте не хватает – вылитая отличница. Я пошла дальше, искоса наблюдая за собой в витрине: «приличная девушка» топала смирно, лишь один раз, кажется, покрутила пальцем у виска. А вокруг моего отражения висели чьи-то портреты. Разные модные красотки надували губы и щурили глаза, а прически у всех были немыслимые – где начес с дом, где разноцветное сено копной. Только тут я поняла, что это витрина парикмахерской. Меня всегда стригла мама, в парикмахерской я не была ни разу. Да и что там стричь? Расчешет, подровняет на уровне лопаток – и вперед. Коса или хвосты с бантами. Сейчас хоть банты переросла, а так – все одно и то же, сколько себя помню.

Я несколько раз скрутила пальцами свой хвост жгутом, потом залезла в кошелек, пересчитать карманные деньги. Их было достаточно. Резинка с хвоста полетела в урну, а я открыла дверь парикмахерской.

В помещении пахло шампунями, гелями и мокрыми волосами. Симпатичная девушка с двухсантиметровыми ногтями вписала меня в какую-то тетрадь и проводила к свободному креслу. Там ко мне подскочила пожилая дама с молодежной стрижкой и серьгой в носу.

– Вечернюю укладку? – спросила она, перекидывая мои волосы из одной руки в другую.

– Стрижку! – отрезала я.

– Каскад? – насторожилась парикмахерша. – Лесенку?

– Короткую и модную.

Пока парикмахерша мыла мне голову, я выслушивала ее вздохи по поводу моих длинных волос: мол, не жалко ли расставаться? А я и не знала, жалко или нет. Знала лишь одно – мне надо это проверить во что бы то ни стало! Потом я наугад ткнула пальцем в какую-то стрижку из журнала и зажмурилась. Волосы падали на пол. Магнитофон пел голосом Петра Налича. Моей голове становилось все легче и легче.

– Можешь открывать глаза, трусиха! – услышала я минут через сорок. – Вроде даже ничего так вышло...

Я открыла глаза. Из зеркала на меня смотрел смущенный паренек, в котором я не сразу опознала себя. Длинная челка спадала на лоб, остальные же волосы были совсем короткие. Маленькие золотые сережки смотрелись теперь в ушах каким-то антиквариатом. Зато лицо приобрело задорное выражение. Я смахнула челку в сторону – и мне это понравилось! Волосы снова непослушно прикрыли один глаз. И я поняла, что обрела совершенно новое, абсолютно бесполезное, но при этом чудесное занятие – убирать челку с глаз.

– Не нравится? – с тревогой спросила парикмахерша.

– Очень нравится! – удивилась сама себе я. – Спасибо!

Из парикмахерской я выскочила легкая, как майский пух. Тугой хвост не сковывал затылок, жизнь казалась совершенно удивительной. Я посмотрела на свое обновленное отражение и скорчила ему смешную гримасу.

– Хулиганка! – бросил хмурый прохожий.

И мне впервые после переезда показалось, что все на своих местах!..

Домой я вернулась под вечер. Папы, как обычно, еще не было. Денис сидел в наушниках за компьютером. Мама рисовала. Я прокралась к себе незамеченной. Еще не все вещи были до конца разобраны, но шкатулку с украшениями я нашла сразу. Аккуратно вынула из ушей маленькие золотые сережки и убрала в коробочку. А затем достала крупные бижутерийные серьги, которые мне привезла из Индии одна мамина подруга. Серьги были красивые, яркие, только никак не вязались с моим прежним образом, поэтому лежали в глубине шкатулки новенькие, ни разу не надеванные. Пришло их время! Я покрутилась у зеркала – теперь оттуда выглядывал не смущенный паренек, а смешная девчонка. Определенно, мне она нравилась!

В комнату заглянула перепачканная акрилом мама, даже не посмотрев в мою сторону, она крикнула:

– Ужинать! – и резво отправилась на кухню.

Пришла пора выбираться из укрытия и выносить свой вид на семейный суд. Хорошо, что после переезда мне не приходилось делить комнату с Денисом, а мама заполучила долгожданную мастерскую. Но встречаться приходится даже в такой большой квартире – деваться некуда.

Когда я вошла на кухню, мама раскладывала по тарелкам домашний лососевый пирог. Денис уже успел откусить кусок от своей порции и, увидев меня, закашлялся. Я с невозмутимым видом сдула с глаза челку и стала ждать бурю.

– Алька, что ты с собой сделала! – мама не донесла очередной кусок пирога до тарелки. – Где твои волосы?

– В парикмахерской, – я осторожно села к столу.

А мама начала скакать вокруг меня, стараясь разглядеть каждую оставшуюся волосинку. В конце концов, потрепав мою челку, она резюмировала:

– А знаешь, неплохо! Свежо, молодежно, – и, немного помолчав, добавила: – Может, и мне такую стрижку сделать, а?

В этой семье никогда не знаешь, чего ждать. Была уверена – скандала не миновать. Мама так носилась с моими волосами, будто это был неприкосновенный семейный капитал. А выходит, отрезала, и вышло «свежо». Мама уже вынимала спицы из своего пучка и пыталась забросить волосы себе на лоб, чтобы вышла челка.

– Нет, мне уже поздно проводить такие эксперименты, – засмеялась она.

Волосы мягкими кудрями рассыпались по ее плечам, и я подумала – какая она у нас молодая и красивая! Даже лазурное пятно краски на носу удивительно шло к ее глазам.

– Прикольно выглядишь, Алька! – сказал Денис, справившись с куском пирога. – И не скажешь, что девочка-пай.

– Но что скажет папа? – мама нахмурилась. – Ну да ладно, что-нибудь придумаем. Сегодня он все равно придет поздно.

И мы втроем стали уплетать пирог – давно он не казался мне таким вкусным. И даже на секунду почудилось, что вечер на северо-западе чуть лучше, чем на юго-западе. Вдали за окнами качались деревья, где-то гудели машины, город вдыхал через форточку запахи нашего ужина и довольно урчал.

– Сегодня вам надо пораньше лечь спать! – встрепенулась мама. – Мы с папой все устроили, завтра вы идете в новую школу. И так уже первую неделю пропустили. Пора, братцы-кролики, браться за ум.

Мы с Дэном сосредоточенно отхлебывали чай. Не сказать, что школа была для нас чем-то страшным – проблем с этим никогда не было, но кто ж предпочтет гранит знаний беззаботному отдыху? Денису вот последний год остался, а мне в новой школе еще целых три трубить. Меня ждал незнакомый класс, но вся штука в том, что и прежняя школа так и не стала мне родной. По сути, я без сожаления рассталась с ней. Пятерки сыпались в журнал, я почти не отрывала глаз от учебников. Кого спросить, когда класс молчит? Лисицыну! Кого поставить всем в пример –

Лисицыну! А как показывал опыт, с «примерами» обычно не дружат. Да и меня как-то не очень интересовали одноклассники с их глупыми обсуждениями сериалов, учителей и друг друга. А может, я убедила себя в том, что они глупые? Теперь уже не разберешь. Факт оставался фактом – друзей в старой школе у меня не было. Скорее всего, не будет их и в новой – так что бояться нечего...

* * *

Утром, накидывая ветровку, я по привычке попыталась убрать копну волос из-под воротника. Нет, теперь и я новая, а не только место жительства. Хотя квартира уже несколько дней казалась мне своей – будто я здесь всю жизнь провела. Бывает, приедешь на новое место, и все выглядит непонятным, странным. Но проходит ночь, и, проснувшись, ты ощущаешь себя дома. Видимо, во сне над нами колдуют домовые, не иначе!

– Я тут с одним парнем договорился возле школы встретиться, – сказал мне в лифте Дэн. – Мы во дворе на днях познакомились, оказывается, я буду учиться с ним в одном классе!

– Здорово, – сказала я.

Денис всегда легко сходился с людьми. Видимо, это у него от папы.

– Но если хочешь, провожу тебя до класса, а? – брат щелкнул меня по носу. – Ну и смешная же ты с этой стрижкой, умора!

– Сама дойду, – отмахнулась я.

Школа находилась совсем близко от дома, старое красное здание утопало в разноцветной листве, как роза в букете полевых цветов. Возле забора Дениса окликнул какой-то мальчишка, и брат, помахав мне рукой, отчалил.

Я двинулась к школе, отыскивать класс, где расположился мой восьмой «А». И так загляделась по сторонам, что не заметила, как налетела на какую-то девчонку.

– Парень, куда прешь! – прошипела она.

– Прости, – я попыталась поднять с земли папку, которую девчонка выронила при столкновении со мной. – Но я не парень.

– Буду еще разбираться, кто ты, – девчонка вырвала у меня из рук свою папку.

Листы бумаги разлетелись по школьному двору, как белые птицы.

– Хулиганка! – вопила хозяйка папки. – Глаз нет, руки кривые. Нет, она издевается надо мной!

Во второй раз за последние два дня меня окрестили «хулиганкой». Девчонка сверкала подведенными глазами, ее рыжая шевелюра развевалась вокруг головы, как львиная грива. Несомненно, она была красоткой, но такую красоту следует держать в клетке, подумала я. И мне как-то совсем расхотелось ей помогать. Пока рыжая подбирала очередной листок, я тихонечко посемила к школе.

После этой неприятной истории я с испугу забрела не в тот коридор и нашла нужный мне класс уже после звонка.

– Это восьмой «А»? – спросила я, просовывая нос в дверь.

– Новенькая? – строго спросила учительница.

– Угу.

– Лисицына?

– Я.

– Нехорошо, в первый же день опаздываешь на урок, – учительница поманила меня в класс. – Ребята, это Алиса Лисицына. С этого года она учится с вами.

Я обвела класс осторожным взором, и моя челка чуть не встала дыбом, когда я увидела рыжую львицу, с которой только что столкнулась у школы. Она что-то рычала на ухо своей соседке, и та неодобительно кивала в мою сторону.

– Выбирай свободное место, – сказала учительница.

– Ребята, осторожно! Это еще та штука, – прошипела на весь класс львица, и ученики поежились.

Отрекомендованная таким теплым образом, я пробиралась между парт, как сквозь еловый лес: казалось, все так и колют меня глазами.

– Садись ко мне, если хочешь, – буркнул кто-то с последней парты.

Я благодарно посмотрела в ту сторону, откуда поступило предложение. И чуть не отпрыгнула назад. Девчонка за последней партой без преувеличения была похожа на кикимору, вылезшую из болота в дождливый день. Зеленоватые волосы сальными прядями спадали на бледное лицо, под глазами чернели тени туши, ногти с облезшим сиреневым лаком терзали обгрызенную ручку. Но делать было нечего, никто другой, очевидно, не хотел сидеть рядом со мной. Я поглубже вдохнула и решительно села рядом с кикиморой. Та больше не произнесла ни слова. До конца урока я пыталась вникнуть в речь учительницы и лишь перед звонком поняла, что это была литература.

Во время перемены учительница подозвала меня к себе. Оказалось, что это была моя новая классная руководительница Марина Борисовна. Она же вела у нас русский и литературу.

– Алиса, если хочешь, я тебя пересажу к кому-нибудь другому, – сочувствующим тоном предложила она.

– Все в порядке, Марина Борисовна, не надо, – храбрилась я.

– Как знаешь, – она пожала плечами и стала готовить доску к следующему уроку.

Когда на уроке русского языка моя соседка-кикимора поняла, что я не пересела на другое место, на ее бледном лице отразилось подобие доброжелательной ухмылки. Мне даже показалось, что она рада моему обществу.

– Жвачку хочешь? – сквозь зубы процедила она.

Я отрицательно замотала головой, но жвачку взяла. Через пару минут кикимора толкнула меня в бок, чтобы продемонстрировать надутый из жвачки пузырь. Пузырь, надо сказать, был знатный и смешно упирался кикиморе в нос. Я захихикала.

– Девочки! Караваева, Лисицына, в чем дело? – цыкнула на нас Марина Борисовна.

Затаившись, я вынашивала планы выдуть пузырь крупнее, чем у кикиморы. (Значит, ее фамилия Караваева, буду знать.) К концу урока мне наконец удался на редкость пузатый пузырь, и я радостно пихнула Караваеву-кикимору в бок.

– Лисицына, чем ты занята? – подошла ко мне Марина Борисовна. – Встань!

Я встала, и мой с таким трудом надутый пузырь с хрустом лопнул на глазах у всего класса. Все начали гоготать, а я стояла с пузырем на лице, который скрывал мои пунцовые щеки.

– Эх, Лисицына, – вздохнула Марина Борисовна. – Мне тебя иначе рекомендовали. Ребята, тихо!

Но зазвенел звонок, и все, не думая затихать, бурной рекой ударились в распахнутую дверь.

В столовой я достала из сумки остатки маминого пирога и попыталась засунуть в себя кусок – школьный завтрак меня совсем не привлекал. Дениса нигде не было видно, скорее всего, он отправился за компанию с мальчишками курить возле школы. Зато грива рыжей львицы возвышалась неподалеку. Вокруг красотки хихикали несколько ребят. Я была уверена – они смеются именно надо мной. Кто бы мог подумать, что мой первый день в новой школе будет таким?! Не успев как следует обдумать все происходящее, я услышала рядом уже знакомый голос.

– Тебя ведь Алисой зовут? – кикимора села рядом.

– Алькой, – поправила я. – Так привычнее.

– А я Жанна, – она попыталась улыбнуться.

Неужели у меня появилась первая подруга? Да еще какая – умереть не встать! Я окончательно перестала что-либо понимать и просто доверилась течению жизни.

– Не обращай внимания на Ритку, – Жанна кивнула в сторону рыжей львицы. – Не любит она тех, кто выделяется. Выделяться позволено только ей – Рите Зябликовой.

– Хорошо, постараюсь не обращать, – согласилась я. – Спасибо!

– Сейчас будет два урока физкультуры на улице. Прогуляем?

Прогулять уроки – со мной такого еще ни разу не было! Но потом можно будет всегда сослаться на «женское», смекнула я. И согласилась.

Сентябрь стоял теплый, солнечный. Но из города уже ушла та летняя духота, от которой не скрыться даже в тенистом парке. Мы с Жанной беззаботно шлялись по улицам, в лицах пересказывая сами себе историю со жвачным пузырем. А затем хохотали, как ненормальные. И всякие сварливые старушки, и недовольные прохожие, завидев Жанну, обходили нас стороной. Видимо, думали – такие и ответить могут.

– Вообще Марина Борисовна ничего так, – отсмеявшись, сказала Жанна. – Морали часто читает, с принципами у нее все сложно. Но добрая она на самом деле. Мне всегда тройки по русскому и литературе натягивает. А я ведь ни бум-бум!

– Угу-гу-гы, – пыталась ответить я, все еще вспоминая удивленно-растерянное лицо Марины Борисовны, когда перед ее носом лопнул пузырь.

– А почему ты из прошлой школы ушла? Переехали? – спросила вдруг Жанна.

И тут ветер дунул мне в лицо с такой силой, что я схватилась за свою драгоценную челку, боясь, что ее вовсе унесет. Но снесло у меня что-то другое. Сама не знаю почему, но я вдруг ляпнула:

– Выгнали! – и, вытряхивая несколько желтых листьев из волос, воодушевленно продолжила: – Ага, выгнали напроць из прошлой школы. Хулиганила напропалую! Весь район не знал, куда от меня деваться. Пришлось вот переезжать. Всю семью с места сорвала, а что делать? Там участковый у нас на лестничной клетке буквально поселился. Чуть я из дома – он за мной шашь. Невыносимо!

Пока я несла всю эту ахинею, глаза Жанны вылезали из орбит все с большим и большим восторгом, от чего она стала походить уже не на кикимору, а на окуня из рыбного отдела.

– А так и не скажешь, – выдохнула наконец она. – Ну, видно, конечно, девчонка ты не промах. Но чтоб так...

Распалившись после первого успеха, я еще долго что-то плела о своих былых деяниях. Пришлось призвать на помощь весь литературный дар и налить столько воды вокруг своих несуществующих подвигов, что к концу моей тирады Жанна была окончательно покорена. И смотрела мне в рот, как будто оттуда ежесекундно вылетали райские птицы.

– Только без фанатизма, – добила я ее контрольным.

И чуть не упала замертво прямо посреди усыпанной листвой парковой аллеи. Столько вранья мне (еще вчера «приличной девушке») было не вынести. Заметив, что я сильно побледнела, Жанна буквально дотащила меня до ближайшей лавки и бережно усадила на свой плащ.

– Утром накурилась всякой дряни, – пыталась оправдаться я. – Никогда не кури всякую дрянь...

– Ага, ага! – для пущей схожести с окунем Жанна хватала ртом воздух.

Неужели поверила? Как же просто оказалось врать! И главное, чем неправдоподобнее все звучит, тем скорее тебе поверят – вот ведь штука! Мне тут же захотелось объяснить Жанне, что все это шутка – ну какая из меня гроза района? Я открыла было рот для оправданий, но, увидев лицо Жанны, испугалась, что это станет крушением ее идеала. Вероятно, первого в жизни... И не смогла... промолчала...

«Как-нибудь потом, – подумала я, – может, завтра или послезавтра...»

Жанна провожала меня до дома, как хозяин собаку на выставку – стряхивая пылинки и чуть ли не утирая слезы счастья, глядя на «питомца». Как назло, возле подъезда мы нос к носу столкнулись с Денисом. Он вылупился на мою спутницу, точно увидел страшную девочку из ужастика «Звонок».

– Алька, я тебя искал после уроков, где болталась? – спросил он, справившись с первым испугом.

– Да так, – я перевела разговор на другую тему. – А это Жанна, моя одноклассница.

Денис как-то затравленно кивнул и стремглав заскочил в подъезд.

– Не буду вам мешать, – послышалось из-за двери.

– Эт-кто? – заикнулась Жанна.

– Братец, – отмахнулась я. – Он у нас в семье удачный вышел, в отличие от меня. Видела, каков?

– Ага!..

Жанна продолжала смотреть на хлопнувшую за спиной Дениса дверь, от ее утренней бледности не осталось и следа. Видимо, она разругалась после прогулки на свежем воздухе, а может, еще от чего... Мне некогда было в этом разбираться. Хотелось побыстрее попасть домой, чтобы стать наконец самой собой. Или подумать – кто же я теперь на самом деле?..

* * *

Дома я сразу попала в цепкие лапы Дениса. Он буквально поймал меня в охапку на пути в свою комнату.

– Слушай, Алька, и как только тебя угораздило с такой мымрой связаться?

Испуг явно уже покинул братца, и он демонстрировал отменное жизнелюбие, гогоча почище любого гуся.

– Не смешно, – я обиженно надула губы, одновременно пытаюсь заехать пяткой Дэну под коленку. – Жанна – нормальная девчонка... где-то внутри... глубоко...

– Оставим ее внутренности в безмятежном покое, – Денис умело уворачивался от моих пинков, но хватку не ослаблял. – О себе рассказывай! Как вляпалась в такое чудо-юдо?

И тут я сдалась. Носить груз лжи в одиночку – непосильная обуза. Тем более если у тебя есть такой замечательный брат, который готов выжимать из сестры правду до реберного хруста. Я рассказала ему все про свою нелепую ложь. Пожалуй, мне надо было попросить у него за это выступление часть карманных денег – свои я почти все потратила на стрижку. Моя история так развеселила Дениса, что были бы у него цветы или чепчик – он благодарно забросал бы меня к концу монолога букетами по самую макушку. И смеялся Дэн уже не как гусь, а точно настоящий жеребец, только что копытом не бил.

– Ну ты даешь! – вытирал слезы он. – Участковый, говоришь, за тобой по пятам ходил? Из школы вытурили? Да ты у нас просто бомба!

Я выдохлась и, грустно уставившись в пол, уселась на кровать. Вот так жди поддержки от близких – поднимут на смех, и все дела!

– Дэн, я же влипла, – всхлипнула я. – А ты ржешь, как конь!

– Да брось ты, что такого? Ну наврала, велика беда! – как и утром, Дэн щелкнул меня по носу: была у него такая дурацкая привычка. – Как надоест изображать из себя крутую оторву, признаешься, и делу конец. В чем проблема-то?

Я пожалала плечами – как это все у него просто выходило. Или я сама привыкла усложнять? Возможно, Денис прав – никакой проблемы и нет вовсе. Есть просто шутка, легенда. И я ее главная героиня. Легендарная личность! Я даже как-то загордилась собой.

– Ладно, выкладывай, что там у тебя сегодня произошло? – я примирительно толкнула Дэна плечом.

– По сравнению с твоими «успехами» мой день прошел на редкость заурядно...

– Как девчонки в классе? – подмигнула я. – Симпатичные?

Денис почему-то устался на мою новую люстру, попытавшись игнорировать вопрос. Но не тут-то было! Я оседлала этого «коня» и начала прыгать, принуждая его к ответу.

– Да нормальные девчонки, ничего особенного. – Денис вдруг состроил мечтательную гримасу, и она вышла вполне искренней. – Видел там одну, ничего себе так, но она не в моем классе...

– С этого места поподробнее! Кто такая?

Денис вздохнул и вовсе перестал сопротивляться. А мне перехотелось прыгать на нем, как на коне.

– Она такая, такая... – мямлил он. – Рыжая, как осень. Красивая, как весна. Холодная, как зима. И от нее в жар кидает, как летом...

Да уж, Дэн явно влип. Чуть ли не стихами заговорил. Такую пылкость и склонность к поэтическим формам речи я замечала у него лишь классе в третьем-четвертом, когда он писал своей учительнице послания на полях тетради: «Я на вас смотрю опять, заработать хочу пять!» Но в сегодняшней истории меня очень насторожил один примечательный факт, к которому я тут же и прицепилась.

– Рыжая, говоришь? – прищурилась я. – Столкнулась я сегодня с одной рыжей. Та еще стерва!

– Не знаю, с кем ты там сегодня толкалась. Но эта рыжая красotka от тебя мокрого места не оставила бы. Рост – во! Грудь – во! Шевелюра – во!

И Денис жестами обрисовал точь-в-точь Ритку Зябликову. Даже выражение лица на миг из мечтательного превратилось в надменно-капризное. Ну точно она!

– Дэн, похоже, ты втюрился в моего злейшего врага! – понуро констатировала я.

– Алька, когда ты только все успеваешь? За день подружилась с чудовищем и поссорилась с красавицей?!

И мне пришлось описать Денису всю утреннюю сцену, начиная со столкновения с львицей Зябликовой и заканчивая лопнувшим пузырьком. В этот раз Денис почти не хихикал, при каждом упоминании Риты его взгляд затуманивался, и на довольную физиономию вылезала дурацкая улыбочка.

– Рита... – рычал он себе под нос. – Рита-Рита-Маргарита... Нет, скорее всего, это не она, – в конце концов заявил он. – Моя красotka на первый взгляд постарше тебя будет.

– Ага, дылда, – заныла я. – И чтобы ты у меня с ней ни-ни! Обещаешь?

– Вот еще! – фыркнул Денис. – Я тебе дружить с мымрами не запрещаю, и ты уж будь добра...

И тут мы покатались по комнате, сцепившись, как две собаки. Я пыталась укунить брата за руку, а он ущипнуть меня за мягкое место. Кто бы посмотрел сейчас на нас – два отличника, гордость родителей и пример для подражания, подвывали и скалились друг на друга, точно гиены. Нашу идиллию прервал звонок в дверь. И вдогонку мамин крик:

– Откройте дверь, братцы кролики! Папа пришел...

Когда папа посмотрел на меня, глаза у него выскочили над очками, точно две фасолины. И тут я сообразила, что он еще не видел меня в новом образе. Моя стрижка, очевидно, произвела на него неизгладимое впечатление.

– Что это такое? – прохрипел он! – Дуся, что это? – Он поискал фасолинами над очками маму.

Мама, как всегда по локти перепачканная в краске, состроила ангельское выражение лица.

– Павлуша, успокойся. Волосы отрастут...

– Отрастут? – взревел отец. – Я до этого не доживу! Я на вредной работе!

Мама, которая только что подскочила к папе с тапками, вдруг изменилась в лице и начала размахивать шлепанцами прямо перед его носом.

– Это у тебя-то вредная работа? Детей по несколько дней в глаза не видишь! Весь дом на мне. А он заявляется из своего глянцевого офиса, где вокруг секретарши галопом скачут, и притворяется, будто был на «вредной работе»?!

Мы с Денисом поняли – затевается очередная семейная перепалка. К родителям в ближайшие полчаса лучше не подходить. Зато через час-другой они выдохнутся и станут шелковые, как шейные платки.

Надо сказать, родители ссорились так часто, что я не могла припомнить и дня без очередной перепалки. А если в доме водворялись тишина и покой, значит, кто-то из них заболел. Поэтому подобные конфликты в нашей семье были, можно сказать, признаком здоровой атмосферы.

Родители могли ссориться по любому поводу и совершенно без повода, на ровном месте и во все остальные моменты. Вдруг зажигалась между ними какая-то искра, и все – тушите свет! Касалось ли дело политики, искусства, воспитания детей, порядка в доме или беспорядка в голове – они сыпали упреками, точно гравием на дорогу. Одно время я честно пыталась разбираться: кто прав, а кто виноват. И в конце концов поняла – мыслящий человек может вырасти только в той семье, где родители находятся в регулярном противостоянии. Так что, по сути, нам с Дэном повезло. Всегда есть возможность выбора. Должно ли все в доме лежать на своих местах или предпочтительнее творческий беспорядок? Что лучше: наваристый борщ или вегетарианский свекольник? Кто страшнее: рьяный сторонник или рьяный противник?..

Но самая махровая петрушка начиналась, если кто-то из сочувствующих поддерживал позицию одного из родителей! Мы-то с Дэном давно просекли, что так лучше не делать. А вот друзья семьи разобрались не сразу. Вот, бывало, посреди застолья возьмут и встанут на чью-то сторону. Например, папин друг начнет маму поддерживать или мамина подруга – папу. Вот тогда папа и мама сию же минуту находили общий язык и ополчались против обидчика! Папа сразу признавал богемную атмосферу творческого беспорядка уютной, а мама – вкусовые качества наваристого борща традиционными. И защитник одной из позиций тут же оставался в дураках. Мама с папой начинали ворковать как голубки и неодобрительно поглядывать на гостя – мол, как можно было так заблуждаться?

Да, папа с мамой у нас очень разные. Только вот любят друг друга крепко – это надо признать. Папа работает как вол. Но в выходные дни всегда с нами на теннисный корт выбирается или на лыжах покататься. А мама, наоборот, целыми сутками дома. Даже в выходные, когда мы на корте или в парке – она драит квартиру. Мама у нас художник, как иронизирует папа – «творческая интеллигенция». Ее картинами увешан весь дом. Они у нее смешные, мне нравятся. А так – мама иллюстрирует детские книжки. Когда надо сдать работу – не вылезает из мастерской днями и ночами. Тогда мы даже готовим сами и убираемся сами. И папа временно перестает ругаться по поводу «творческого беспорядка» в доме.

Так что у нас обычная, немного сумасшедшая семья. И на самом деле мы любим друг друга до чертиков. Хотя кто-нибудь посторонний может подумать иначе. Но это именно что посторонний, а посторонних у нас дома практически не бывает. Одно время захаживал папин сослуживец с женой. И так они однажды разнервничались после очередного родительского скандала, что тихонько ушли, взявшись за руки, и шепотом осуждали родителей – как это неприлично! А через несколько месяцев папин стыдливый сослуживец ушел от своей примерной жены к любовнице, от которой у него была шестилетняя дочь. С тех пор я совсем перестала переживать по поводу наших семейных передраг.

Теперь я беззастенчиво могу кусать Дениса за руку и целиться пяткой ему под коленку. Но все это я делаю любя – честно-честно! И он на меня почти не обижается. А я позволяю ему щелкать меня по носу. В любой семье должны быть компромиссы.

И, видимо, наш сегодняшний компромисс сводился к тому, что я могла дружить с Жанной Караваевой, а Денис между тем начнет ухаживать за Риткой Зябликовой. И придется с этим как-то жить...

Пока я размышляла над всем этим – папа с мамой помирились, и мы дружно отправились ужинать. Выдохшиеся родители возлежали на стульях, как шейные платки. И моя стрижка их больше не интересовала. А мы с Денисом всю размышляли над завтрашним днем. То ли еще будет... Ой-ой-ой!..

* * *

По пути в школу прямо возле подъезда я с удивлением обнаружила застывшую столбом Жанну. Видимо, она давно ждала моего появления. Дэн сразу припустил побыстрее вперед, кинув через плечо:

– Красавицы, ну я поскакал. Чао!

Я усмехнулась, понимающе кивнув спине братца, а Жанна с недоумением изрекла:

– Он назвал меня красавицей?

– Не обращай внимания, – машинально отмазала Дэна я. – Он так ко всем девушкам обращается.

– У-у-у, – протянула Жанна. – Типа культурный?

– Типа того.

Подходя к классу, я сразу увидела Риту Зябликову. Сегодня она заколола свою гриву множеством ярких заколок, и надо признать, даже эта безвкусица ей очень шла. Рядом с ней ошивался какой-то парень, вчера я его не заметила, а сегодня так и прилипла взглядом. Кажется, ничего особенного в нем не было – парень как парень. Смуглый, высокий, плечистый. Но голос у него был не такой, как у других мальчишек, – низкий, бархатный. Будто бы этот плечистый громила был лет на пять старше своих одноклассников. Я так и застыла, заслушавшись, а потом уже до меня дошел смысл его слов.

– Не обращай внимания, Ритуль, – обволакивал он своим тенором. – Ну не повезло с новенькой, что с того. Какое тебе до нее дело? Их с Караваевой место – последняя парта...

И тут мне почему-то захотелось плакать. Как будто я вошла в море и обожгла ногу о медузу.

– К-кто это? – хрипло кашлянула я.

– Это? Тимур Юсупов, – Жанна кинула в сторону смуглого тенора безразличный взгляд. – Увивается за Зябликовой, как хвост за собакой. Они с седьмого класса типа встречаются. Плюнь на них и разотри – задаваки!

Я не успела толком оценить степень ожога от «медузы», как прозвенел звонок. На уроке Ритка сама вызвалась к доске и что-то с блеском вещала классу. Я видела, с каким обожанием Тимур ловит каждое ее слово. И мне почему-то становилось тяжело дышать, будто легкие напрочь заполнены и вдыхать воздух просто некуда.

– Вот заливает, – уже привычно пнула меня в бок Жанна, кивая на Зябликову.

– И не говори, – неожиданно громко пропищала я.

– Лисицына, есть что дополнить? – на меня грозно воззрился историк.

После чего я произнесла несколько гласных звуков и ни одного согласного. По классу понесся смешок, а Тимур даже не посмотрел в мою сторону – чему, честно говоря, я была рада.

И тут в класс неожиданно заглянула голова Дениса.

– Можно на минуту Алису Лисицыну? – серьезно спросил он.

Денису отказать было сложно. Историк позволительно махнул мне рукой – мол, вымечтайся. Я вышла в коридор.

– Точно! Моя красавица в твоём классе учится! – добил меня братец. – У доски стоит – хоть картины с нее пиши!

– А что звал-то? – нервно спросила я.

– Так это, навожу мосты, – подмигнул Дэн. – У нас «окно» – биологичка заболела. Дай, думаю, загляну к сестрице, у нее ли в классе моя рыжая бестия? А какой у вас сегодня последний урок?

– Пятый. Черчение.

– Так я там нарисуюсь!

– Вот дурак! – Я вернулась в класс.

– Извините, – ангельская физиономия Дэна кивнула учителю или все еще стоявшей у доски Зябликовой.

Ритка запнулась и сбилась с мысли. Но ей на помощь тут же пришел Тимур, попросившись отвечать дальше. Я села на место. Жанна мечтательно уставилась на дверь, грызя свою многострадальную ручку.

– Культурный, – выдохнула она.

На перемене Зябликова и Юсупов будто нарочно встали рядом со мной и начали громко разговаривать. Точнее, это Ритка трубила вовсю, а Тимур все больше многозначительно поддакивал. Вокруг этой колоритной парочки выросла целая свита – несколько парней и девчонок. Подруга Зябликовой, та, что сидела с ней за одной партой и вечно кивала, как болванчик, и сейчас стояла рядом. Когда Ритке становилось мало поддакиваний Тимура, она обращалась к ней: «Правда, Тань? Скажи, Тань...» А эта Таня даже не успевала рот раскрыть, лишь глазами давая понять, что все слова Зябликовой – истина в первой и единственной инстанции. Видимо, Ритка пожертвовала подруге несколько своих заколок, и они смотрелись на Танькиных тонких волосах как прищепки.

– Да, а что это за парень к новенькой заходил? – выдала вдруг громогласно Зябликова. – И не думала, что этой Лисичкиной могут человекообразные интересоваться.

Тут моя Жанна вдруг надулась, как жаба, а потом выпалила:

– Да какое тебе дело? Сиди со своим Юсупчиком и помалкивай!

– Ой-ой-ой, как страшно! – Ритка сделала в нашу сторону козу указательным и средним пальцами.

– Вот-вот! – раздухарилась Жанна. – Лучше не связывайся, хуже будет! Правда, Альк?

И я невольно стала центром внимания. Все уставились на меня: и Ритка, и ее подпевала Танька, и сама Жанна, а главное – Тимур, остальные были уже как в тумане. Я отчаянно попыталась придать себе бравый вид. Засунула руки в карманы, потом вынула и протянула:

– А то! – Коленки у меня задрожали, и, чтобы скрыть это, я как-то неловко перескочила с ноги на ногу. – И я не Лисичкина, а Лисицына...

Неожиданно вышло очень по-хулигански, как-то задорно и живо. Я поймала восхищенный взгляд Жанны.

– Слышь, кузнечик, прыгай отсюда, – снизошел до меня Тимур. – Не засоряй атмосферу.

И тут, совершенно внезапно, у меня внутри поднялась буря – откуда что взялось? Я полетела к Юсупову, уперлась ладонями ему в грудь, отчего он завалился спиной на стену, и прошипела:

– Не смей так со мной разговаривать, понял! – Я чувствовала, как под моими пальцами стучит его сердце. – Пожалеешь...

Затем отпрыгнула, схватила Жанку за руку и отправилась куда подальше. Пока никто не заметил, что на ресницах предательски повисла слеза...

С того момента я стала для Жанны безоговорочным героем на все времена.

– Нет, ты видела его ошалевшую физиономию? – вспоминала она лицо Тимура. – А Ритка вся прямо посерела от злости. Ишь, на кого замахнулась, на твоего брата! Да он таких напыщенных гордячек за километр, наверное, обходит. Что, не так?

А я не знала, что ответить. Все вокруг летело кувырком, и я никак не могла понять, за что можно зацепиться, чтобы самой встать с головы на ноги. К тому же за мной по пятам стал таскаться какой-то смурной тип. Его присутствие определялось молниеносно по тяжелому дыханию мне в лопатки. Обычно он тихонько подкрадывался сзади и громко дышал. Наверно, у него были аденоиды или что-то типа того. А может, виновата тучная комплекция, которая и вызывала одышку. Так или иначе, этот маленький толстячок с круглым лицом, глазками-пуговками и тяжелым дыханием теперь все время ошивался где-то рядом.

– Да что тебе надо? – не выдержала я на перемене перед пятым уроком.

– Ты крутая, – промямлил он, покрасневший. – Видел, как Юсупова отшила – жуть!

– Филиппок, вали отсюда, а? – Жанна угрожающе нависла над ним.

И толстяк безропотно сделал несколько шагов назад, но из виду нас не выпускал. Так и буравил своими пуговицами – этого еще не хватало! Очевидно, вокруг меня собиралась некая «армия тьмы» – весь сброд из восьмого «А» класса.

Стоило ученикам высыпать из класса после черчения, как в коридоре мы наткнулись на Дениса. Он явно поджидал Зябликову. И та, в свою очередь, одарила его пламенным взглядом.

– Помогите несчастному! – Дэн со страдальческим видом преградил Ритке дорогу. – Сегодня днем я был сражен вашей красотой наповал. С тех пор не ведаю покоя.

Братец из шкуры вон лез, чтобы произвести впечатление. И ему это явно удалось. Зябликова начала улыбаться, как блаженная, а Юсупов, наоборот, насупился.

– Чего тебе надо, пижон? – Тимур влез между Риткой и Денисом, как начинка в пирог. – Гулял бы отсюда...

– Тим, ну что ты, – надула губки Зябликова. – Человек просит о помощи. Разве в этом есть что-то плохое, а, Тань?

Таня закивала всеми своими прищепками и настороженно глянула на Тимура.

– Не понял! – Тимур отодвинул Таню в сторону. – Рит, тебе интересен этот напыщенный тип?

Рита смотрела куда угодно, только не на Тимура, и слегка передернула плечами. Денис самодовольно помалкивал, выжидая, что ситуация сама разрешится в его пользу. Я же чувствовала себя зрителем на чужом бенефисе, Жанка хмуро взирала на происходящее, а в спину мне дышал толстяк Филипп.

– Денис, надеюсь, ты запасся противоядием? – Я прошла мимо братца. – Учти, эта змея кусается...

– Спасибо за заботу, сестричка, – кинул мне вслед Денис. – Я живучий!

– Сестричка? – переспросила Рита, все еще игнорируя молнии взоров Тимура.

– Готов поведать тебе все свои семейные тайны...

Я уходила все дальше, и заигрывающие речи брата затерялись в школьных коридорах. Жанна все время молчала и явно была не в настроении. Филипп еле поспевал за нами и дышал громче обычного. И тут мне впервые в жизни захотелось сделать что-нибудь плохое! Как будто я зашла в инфекционный изолятор и надышалась там микробов, только заразилась не простудой, а каким-то безобразием. Так и тянуло на пакости. Я пинала ногами каштаны, и они пинг-понговыми шариками разлетались в разные стороны. В компании дураков я всегда чувствовала себя очень глупо – не знала, что говорить и как реагировать на их бестактные вопросы. Сейчас же, оказавшись среди тех, кого раньше не замечала, – двоечников и неудачников, – я захотела выкинуть что-то такое... из ряда вон. Но опыта в таких вещах у меня не было вовсе. За всю

свою жизнь я не могла припомнить ни одного даже самого захудалого злодейства – прав был Денис, я всегда была девочкой-пай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.